

Послужной список народной артистки России велик. Вот лишь наиболее значительные вехи его. Лауреат премии «Триумф», многих международных кинофестивалей. Снялась более чем в тридцати фильмах, среди которых «Начало», «Тема», «Старшая сестра», «Военно-полевой роман», «Васса Железнова». Множество ролей в театре «Ленком».

Бесконечность чуда

«Сегодня Инна Чурикова лучшая актриса России» - считает режиссер Марк Захаров

ФОТО НАТАЛЬИ БУДАНОВОЙ

- Когда в редакцию приходит письмо, написанное детской рукой, в нем почти обязательно вопрос, как стать актрисой. А вы, Инна Михайловна, тоже мечтали об этом с детства?

- Мама мечтала. Она все время думала, как будет хорошо, если ее дочка станет артисткой. И мне ничего не оставалось, как осуществить ее желание.

- А сын ваш пойдет по вашим стопам?

- Нет. Ванечка сказал, не буду ни артистом, ни режиссером. И поступил на

юридический факультет МГИМО. Хотя мне кажется, что режиссерский ген в нем все-таки «бродит».

- А когда вы впервые почувствовали в себе артистический ген?

- В детском саду. Уже тогда мне нравилось придумывать различные ситуации и разыгрывать их. Я была феей, колдуньей, даже деревом. Первый фильм, в котором я снялась еще школьницей, - «Морозко». Там я играла злую мачехину дочку. Когда меня пригласили на озвучивание и я

увидела себя на экране, заплакала: до чего же я страшная! Все, сказала я себе, больше моя нога не ступит на съемочную площадку.

Прошло время, страсти улеглись, и я отважилась поступать в Щукинское училище. «Слетела» с дистанции сразу. Пошла в школу-студию МХАТ. Педагог Карев, который набирал курс, спросил меня: «А кто такая Нефертити?» - «Самая красивая женщина, в которую все влюблялись», - ответила я. А он мне так жестко: «А вы на себя смотрите в зеркало?»

Чтобы не расплакаться, я начала улыбаться. Потом разрыдалась и убежала.

Поступила я в Щепкинское училище. И встретила там двух совершенно замечательных педагогов - Леонида Андреевича Волкова и Вениамина Ивановича Цыганкова. И я поняла, что предыдущие осечки были посланы мне для того, чтобы встретить их. Богом мне было суждено именно Щепкинское училище. Ну а потом был ТЮЗ.

- Не верится, что педагог мог быть столь груб.

- Я размышляла над тем случаем, и мне показалось, что фраза о моей внешности была сказана им как провокация. Его профессионально интересовала моя мгновенная реакция.

- Но я все-таки приведу специально для Карева такую цитату одного известного искусствоведа: «Лицо Чуриковой - это особый талант, как голос певца, руки виртуоза, зрение художника, слух композитора. Все сложнейшие «пассажи» человеческой души в состоянии услышать и выполнить это лицо. Его рисует не кисть, а характер, суть, живая душа ее героинь. «Мой милый, что тебе я сделала?» - сколько раз на сцене и экране мы видели на лице Чуриковой этот застывший стон. А какие лукавые рулады выводят ее глаза!»

А вот признание вашего мужа и режиссера Глеба Анатольевича Панфилова: «Я бы разглядел Инну в тысячной толпе... Такие лица - это такое же чудо, как неожиданно возникший за поворотом пейзаж... Как чудо природы, меня покорило лицо и все существо Инны Чуриковой. Каждый раз, в каждой работе мне думается, что я исчерпал ее до конца. Но начинается новая картина, и я вижу, что ничего не понял, ничего не узнал. Бесконечность чуда - это, наверное, и есть Актриса».

...А познакомились они - Панфилов и Чурикова - так. Начинающий режиссер искал актрису для своего режиссерского дебюта на роль Тани Теткиной (фильм «В огне брода нет»). Просматривал телепередачи, бывал в театрах. И вот однажды пришел в ТЮЗ. Он вспоминает: «По сцене на помеле носилась Баба Яга. И такая она была несчастная и трогательная. И понять ее можно: ведь три века старушка безнадежно любит лешего, три века неразделенной любви. От этого она стала такой - не злой, а трагически озлобленной, ненавидящей мир за то, что он не замечает, как она несчастна. И так пронзительно играла ее Чурикова, что дети плакали: детским чутьем они угадали состояние несчастной Бабы Яги. Я тоже расчувствовался. «Вот она, Таня Теткина, моя героиня», - ликовал я.

- А помните ли вы, Инна Михайловна, тот день?

- Конечно помню. Настроение было ужасное, в театре не ладилось: так надоело играть разных зверушек. А тут предложили новую роль... свиньи. Я возмутилась: «Если все время играть свинью, можно ведь и захрюкать». Смотрит на меня режиссер и понимает, дело плохо,

взбунтовалась артистка. Тогда он бух на колени и так проникновенно говорит: «Инна, никто же лучше вас свинью не сыграет». Ну я не смогла отказать.

И вот вечером к нам приходит незнакомый человек. Представился: второй режиссер картины «Что прошло» - первоначальное название сценария - Геннадий Беглов. Положил передо мной сценарий, попросил прочесть его и предупредил, что меня будут пробовать на главную роль. Я тут же прочла, и он поразил меня, восхитил. Вот он, долгожданный случай, сбывается моя мечта. Таня Теткина, какое уникальное существо, ни на кого не похожее. Я заболела ею. Мне хотелось сыграть так много, что мое нутро как бы разрывалось. Уже тогда Панфилов подталкивал меня к поиску своей собственной эстетики. Я начала понимать: важно говорить своим голосом. Такая атмосфера истинности, подлинности жизни была в сценарии, что никакие суррогаты чувств были просто невозможны. Те первые панфиловские уроки мне не забыть...

- Но вот фильм вышел на экран, и состоялось ваше всесоюзное признание...

- Что вы! Съемки фильма начались с трудностей: меня едва утвердили на роль Теткиной. Глеб тогда пошел против всех, хотя был всего лишь дебютантом и ему самостоятельность могла очень дорого стоить. Он даже поставил условие: картину будет снимать только со мной. С такими же трудностями столкнулись и при выпуске.

- Уму непостижимо, какие аргументы могли быть у Госкино мытарить такой замечательный фильм. Уж конечно не творческие.

Насколько я понимаю, цензурные препятствия только укрепили его решение снимать вас в следующем фильме - «Начало». «Как только возник у меня замысел фильма, - вспоминает он, - сразу понял, что Инна и есть Жанна. Именно от этого феноменального сходства я отталкивался, чтобы рассказать историю Паши Строгановой - фабричной девчонки, сыгравшей в народном театре Бабу Ягу, ставшей актрисой и Жанной, но по-прежнему оставшейся Пашей».

Недавно, к великой моей радости, «Начало» снова показывали по телевизору. Все полтора часа меня одолевала мысль: вот она, Жанна д'Арк. Да о ней целый фильм снять надо!

- Самая большая утрата в моей жизни - не сыгранная Жанна. Вы знаете, какой замечательный сценарий написал Глеб. Сними мы тот фильм, не считите меня нескромной, он вошел бы в десятку лучших за все время существования кино. Но сценарий не приняло Госкино. Может быть, потому, что Жанна верила в Бога, в Святую Екатерину, в Святого Михаила... А может быть, они боялись Глеба, умеющего из факта извлекать смысл, который представлялся им опасным.

Пять лет жила надеждой - вот-вот разрешат съемки - и отказывалась от всех ролей: ведь нельзя же жить ее жизнью и делать что-то другое одновременно.

- А почему бы не снять его сейчас.

- Во-первых, нет денег. Ну и нет ее лет - 20. Теперь ее уже и играть не посмею. Но, вы знаете, судьба все-таки как бы компенсировала мне потерю Жанны образом Вассы Железновой, наверное, самой любимой моей ролей.

Представляете, когда Глеб предложил мне ее, я отказалась, ссылаясь на то, что она от меня слишком далека. И назвала взамен других актрис. Тогда он рассказывал мне несколько сцен, которых нет в пьесе: как Васса умирала, как она одинока. Мне стало бесконечно жаль ее, надорвавшуюся под непосильной ношей в расцвете сил, и я решила. Это, может быть, моя лучшая роль, но она «съела» меня, как никакая другая.

Недавно в одном доме за мной ухаживал физик. Я его спрашиваю, почему я нравлюсь физикам да математикам. А он: вы убедительны, но при этом вас можно решать бесконечно. Я похожа на этого физика: всегда разгадываю своих героинь и не могу разгадать, настолько они непредсказуемы.

- Даже несмотря на то, что у всех есть один общий знаменатель - любовь. Любовь от себя, а не для себя. Всегда щедро дарящая и по крохам берущая. Таня, Паша не очень-то культурны и малообразованны. Но есть у них нечто гораздо более важное - культура сердца, просвещенность души. Как вы входите в их мир?

- Просто верю, что все происходит со мной. Сначала я сживаюсь с ролью, постепенно погружаюсь в нее все глубже и глубже. Потом от нее спасаюсь, а она еще

долго преследует, как любовь преследует женщину, которая никак не может смириться, что мужчина ей больше не принадлежит.

- Нашим читателям наверняка интересно узнать ваше мнение о фильме «Курочка-Ряба». Одни искусствоведы считают, что картина поражает виртуозностью актерского мастерства, но не пронзает, не выворачивает душу, как прежние чуриковские создания. Другие восприняли картину как пасквиль на деревню. Я знаю, что вы согласились на роль после того,

как Ия Саввина отказалась, сославшись на непатриотичность образа Аси...

- Да у меня и задачи такой не было - выворачивать зрительскую душу. Я хотела только, чтобы каждый посмотрел на себя, увидел себя без прикрас, задумался и умылся печалью от своей жизни. Я долго размышляла над сценарием, прежде чем согласиться. Ася Саввиной была молода, добра и лучиста. Моя же Ася прожила це-

лую жизнь. Одинокую и неприятную. Мо- золи на руках, на сердце, да единственная подружка - курица. И агрессивная реакция на тех, у кого хоть что-то в жизни не зала- дилось. Думаю, Кончаловский, сняв эту картину, совершил подвиг. Это его печаль о нашей нерасположенности друг к другу, агрессивности, об отсутствии доброго участия в жизни ближнего.

Ведь патриотические чувства, любовь к народу необязательно должны выра- жаться в комплиментах ему. Мы любим повторять, что во всем виноваты наши правители. А мы что же, не виноваты? Рассказанная в фильме история - это ис- тория состояния души человека, заблуд- шего в нашем времени. Очень печальный фильм. Очень правдивый. И, мне кажет- ся, очень смешной.

- И все-таки никак не могу состыковать интеллигентную Чурикову и деревенскую бабу, ругающуюся матом.

- Мне кажется, это не предмет критики - то, как я там говорю. Такой способ речи имеет огромный смысл, потому что баба охраняет себя матом от ужасной жизни, пьяных мужчин... И звучит он в устах баб не вульгарно, а легко, задорно и весело, а иногда и страшно.

Конечно, они не только матюгаются. Они выражаются так своеобразно, инди- видуально, что просто позавидуешь. Речь их девственна, настоящая русская речь, оставшаяся только в деревне, очень поэтичная.

- Я слышала, вы любите стихи. Почему бы вам не подготовить концертную про- грамму.

- У меня с поэзией такие интимные от- ношения, что я не могу выносить их «на трибуну». Главное, под аплодисменты рассказывать о своих чувствах. Мои лю- бимые поэтессы Цветаева и Ахматова публичности не терпят. Я чувствую, что творилось с Цветаевой, когда она писа- ла. Мучила себя, сжигала, на части раз- рывала. И не выдержала себя. Не выдер- жали ее. Да и возможно ли вместить в себе миры и не быть ими раздавленной. С Цветаевой жутко, но как манит! Ахма- това все-таки ближе мне. С ней я подол- гу разговариваю, мне с ней спокойно. Сейчас я иду к философско-религиоз- ной литературе, она на моем столе и в моей душе.

- А кино?

- С этим сложнее. Вот Глеб хотел сде- лать фильм о семье Романовых. Шесть лет назад он написал замечательный сце- нарий, но у него не было денег, а спон- соры не очень щедры на долгосрочные проекты. И вот только сейчас он присту- пил к работе. Но я в нем, к сожалению, сниматься не буду.

- Инна Михайловна, ну что мы с вами все о ролях. Давайте поговорим, что на- зывается, за жизнь. Спектакли в театрах, репетиции, съемки, наверное, «съедают» все ваше время. А кто же ведет хозяйство?

- Когда я работаю, основная нагруз- ка на Глебе. Но как только выдается свободная минута, бразды правления беру в свои руки. Когда я была малень- кая, мы с мамой много скитались по комнаткам Москвы и Подмосковья. Поэтому я знаю цену семейному очагу. Хочу, чтобы дома все чувствовали себя хорошо и уютно. Часто вспоминаю афо- ризм отца Жанны д' Арк: «Подальше от королей, поближе к кухне». Я и вправ- ду люблю ее, хотя злюсь, что она отни- мает немало времени. В такие минуты думаю, бедная-бедная наша россий- ская женщина.

- А что ассоциируется с понятием «рос- сийская женщина»?

- Лошадка. Есть анекдот. Человеку пригласилась женщина, и он пришел к ней в гости. Увидя роскошный стол, стал спрашивать, кто это пригласил. А это, а это? И на все получал один ответ: я. На прощание он сказал хозяйке: «Думал, вы женщина. А вы - лошадь». Мы все жи- вем в таком качестве и считаем, что так и должно быть. Привыкли все везти на себе.

- Некоторые ваши коллеги эмигриро- вали, а у вас когда-нибудь было такое желание?

- Да куда я могу уехать с той земли, языком которой говорю. Ни один пейзаж в мире не близок мне так, как российс- кое грустное пространство - «очей очаро- вание».

- Но многие уехали не по каким-то вы- соким мотивам, а от обыкновенной нуж- ды. Вам-то нужда не угрожает, «звезды» - люди богатые.

- Это из области легенд. На даче у нас - а это крохотная кухонька, балкончик и две комнатки - вот уже несколько лет идет ремонт. Так что в отпуск и поехать некуда. Так же скромна и вся наша жизнь...

- Инна Михайловна, а если бы вам при- шлось распрощаться с актерской про- фессией, что бы вы стали делать?

- Помогала бы старикам и больным. Когда я сломала ногу, поняла, что такое зависимость от других. А мы часто про- бегаем мимо страждущих. Я ухаживала бы за ними как нянечка: успокаивала, веселила. Во всяком случае, я так думаю.

- Кому-то ответ этот может показаться придуманно-лакированным. Но я безу- словно верю ему. Очень доверчивый че- ловек, как ребенок...

- Вам так кажется? Вот и Глеб преду- преждает, когда я выхожу из дома: «Инна, не будь простодушной». Я, дей- ствительно, пропускаю все события через себя, очень переживая.

- Я понимаю, что вам, может быть, и неловко слышать это, но говорю для на- шего читателя, ведь он же хочет знать о вас побольше. Так что уж потерпите.

Евгений Леонов писал: «Работать с Чуриковой прекрасно. Она партнер, а не премьер». Вот мнение операторов: «С Инной не чувствуешь себя виноватым, как это часто бывает с капризны- ми взбалмошными талантами. Ее ис- ключительность очевидна, она подни- мает, а не исключает других, замечает каждого». А вот признание гримера Та- мары Сергеевны: «Я работала со мно- гими знаменитостями, но такой, как Инна Михайловна, не встречала. Всег- да благодарность другим и внимание к ним. Всегда просьба, никогда - приказ. Она требовательна к себе, несговорчи- ва с собой, а с нами - одна сплошная благодарность».

Какое счастье, когда к тебе так относят- ся люди. Кстати, а часто ли вы были счаст- ливы?

- Полное счастье испытала однажды. Когда родила сына. Я лежала в палате на девять человек. Все мы в платочках, все в казенных - с клеймом - нижних рубаш- ках. Я тогда все время думала о маме. Когда младенцев разносили и сестры почти кидали эти кулечки мамам, сердце замирало. А сестры весело так вереща- ли: да вы не беспокойтесь! Их можно подкидывать и так и эдак, им не больно. А вот и мой Ванечка летит ко мне. Мы, девять баб, кормим своих детишек, и та- кие все счастливые!..

Беседу вела Наталья ЛАРИНА